

ДНЕВНИК
БОРИ
КАПРАНОВА

В 1996 году в Музей обороны и блокады Ленинграда пришёл пакет с дневником. Мальчишеский почерк, шестнадцать лет. Сопроводительное письмо гласило: «Извините за беспокойство, но я решил обратиться к вам с просьбой ознакомиться с блокадным дневником моего брата с целью определения его пригодности в качестве экспоната музея», - писал старший брат Бори Капранова.

Мама, папа, дедушка и трое братьев Капрановых жили перед войной в Колпино, ныне это в черте города Петербурга; в сентябре 1941 года эвакуировались в Ленинград, где обосновались на эвакуопункте на улице Салтыкова-Щедрина. Боря, до войны закончивший 8-й класс, служил в противопожарном полку, недолго учился в Военно-морском политическом училище. К этому времени относятся записи, полные боевого духа: «Какая-то сила зовёт меня на фронт... Здесь невыносимая скука. Немцы бросали листовки со словами: «6-го доедайте соевые бобы, а 7-го готовьте гробы». Какая-нибудь шальная бомба залетит, и умрёшь, не принеся пользы, а на фронте мог бы принести какую-нибудь пользу. Хочу отомстить за товарищей, за родину». Заканчивается дневник уже совсем в другой тональности - «скука» превращается в «ад»: «Опять я едва таскаю ноги, дыхание спирает, и жизнь уже не мила. Не видать бы мне тебя, Ленинград, никогда. На улице всё так же падают люди от голода. У нас в доме померло несколько человек, и сегодня из нашей комнаты просили мужчин помочь вынести покойника... Что-то с нами будет? Выживу ли я в этом аду?»

О героях дневника брат Бори написал в сопроводительном письме коротко: они с мамой и братом Валентином смогли выехать из города в марте 1942 года; дедушка умер от голода в январе; папа - в эвакогоспитале в конце марта.

Сам Боря, не дождавись официальной эвакуации, в начале февраля уходит с группой комсомольцев по Дороге жизни и погибает. В этом аду он не выжил.

Его дневник - ныне экспонат музея.

14 октября. Вот уже месяц как я боец 1-го взвода 13-й роты Комсомольского противопожарного полка по охране г. Ленинграда. (...) По поступлении в полк, мне сразу, как и всем, выдали комбинезон, ботинки и фуражку, а немного позже - ватник. У каждого имеются: рукавицы, каска, пояс.

Находимся на казарменном положении и питаемся в столовой, только карточки надо сдавать. Имеются все постельные принадлежности. Питаемся в день 3 раза. Кормят по военному времени и, принимая во внимание теперешнее положение, когда Ленинград окружен, хорошо. (...)

18 октября. Сейчас так напряжены нервы, что от каждого резкого звука приходишь в раздраженное состояние. Это когда отдыхаешь. Идя в дозор, не обращаешь внимание на бомбы, настолько привык. Когда свистит летящая бомба, то ждешь, когда она упадет, где и скоро ли. С фронта приходят неутешительные вести - немцы ближе к Москве и Ленинграду. В нас нет боязни к врагу. Мы свыклись с таким положением. Некоторые ребята хотят оказать большую помощь Родине и стремятся пойти на фронт. Я подавал заявление в ополчение, но 25-24 года (рождения) не принимают. (...)

20 октября. Эти дни тихо. Идет снег. Туман. Налетов не было. Я хотел поступить в артиллерийскую школу, но так как табель остался в Колпино, то не приняли.

В городе с питанием плохо. Иждивенцы получают по 200 гр. хлеба, а белого хлеба и сливочного масла не получают совсем.

Особенно плохо с питанием у беженцев. (...) Были случаи, когда умирали грудные дети. Рабочие питаются в заводских столовых и некоторые прикреплены к государственным столовым. Там тоже по карточкам, но все-таки лучше. Нас кормят неплохо, но официанты здорово обманывают. Командиру и старшине дадут больше, они и молчат.

Только в последнее время в это дело вмешалось ротное комсомольское бюро, и предвидятся улучшения.

На работу не ездим, потому что нет бензина.

23 октября. Это случилось летом, в августе месяце. Мы находились на казарменном положении в 9-й школе. Из второго этажа, из спортзала, нас перевели в третий этаж, в кабинет естествознания. Ночи две мы спали спокойно. Жизнь шла нормально. Был прекрасный солнечный день. Мы занимались своим делом. Вдруг стали раздаваться взрывы со

стороны колонии, в поле. Взрывы все чаще. Что такое? Все удивились и в недоумении смотрели один на другого, как бы спрашивая. Подбежали к окну и стали наблюдать. Вот раздался свист, показался белый дымок и потом - взрыв, как разломили сухую доску, точно такой звук, только треск сильнее. Все больше и больше разрывов. Это немцы обстреливали зенитную батарею, которая метким огнем не раз отгоняла их стервятников, защищая город и завод, который имел большое военное значение.

Снаряды ложились все точнее и точнее. Из окна мы хорошо видели, как несколько снарядов попали в красноармейские землянки. Два мессершмидта, летающие около леса, точно корректировали стрельбу. Наш патруль, состоявший из трех ястребков, или боялся встречи с ними, или имел другую цель, только он летал над городом и в частности над нашей школой, т. к. на крыше находился морской наблюдательный пункт, корректирующий стрельбу кораблей, стоящих на Неве и была вышка МПВО.

На батарее были раненые. Ее пробовали перевезти на другое место, но ничего не вышло. Прилетели немецкие самолеты. Со всех сторон раздалась залпы зениток. Со станции бил бронепоезд. Внезапно немцев атаковали наши самолеты. Завязался воздушный бой. К гулу взрывов присоединился рев моторов и треск пулеметов. Один самолет (не знаю чей) вспыхнул и круто пошел вниз. Он упал в поле за белыми бараками. К небу поднялся столб черного дыма, смешанный с искрами.

Бой кончился, а обстрел продолжался. Крайние дома и бараки были изрешечены осколками. Перед школой упал снаряд, который был единственным залетевшим в этот день в город. Обстрел так же внезапно прекратился. Мы пошли домой покушать. Хотя в городе было напряженное состояние, но разрушений еще не было. Народ шел в убежища. Каким родным и прекрасным показался тогда город.

Вечером немцы бросили несколько бомб в районе, прилегающем к вокзалу. На следующий день обстрел начался с утра. Перед школой убило несколько человек и разрушило дом. Все провода порвало. Свет в убежищах погас. В воздухе стала рваться шрапнель. Командир звена сказал, чтобы мы спустились в убежище. Только мы спустились, как в соседней комнате раздался грохот. Это снаряд попал в окно школы.

Немцы хотели сбить вышку. Огонь стали переносить на завод. От нас пошел домой Б. Михеев и уже не вернулся. Снаряд попал в их дом.

«Ленинград был городом веселья и радости, а стал городом печали и горя», - пишет Боря. Ленинград - братская могила для сотен тысяч. Среди них - 16-летний Боря Капранов, говорящий с нами на этих страницах из гибнущего города. Ещё живой, ещё надеющийся...

Фото из фондов Музея обороны и блокады Ленинграда.

Когда после обстрела шли по городу, то почти во всех окнах были выбиты стекла. На улицах было множество воронок. Улицы пусты. На следующий день опять обстрел. И на другой день тоже. Мы собрали вещи и уехали в Ленинград вместе с потоком беженцев. Там мы обратились на Лиговку 46 (...) и нас направили на Гагаринскую, откуда я и поступил в полк.

31 октября. Дней десять была передышка от налетов, но, так числа с 29, опять начались бомбежки. На пожар не выезжали. 29 числа в 8-м или 9-м часу вечера произошел нехороший случай. Он нас очень ошеломил и настроение какое-то подавленное. Я позвал Коткина сыграть партию в бильярд. В самый разгар игры раздался сильный взрыв. Зазвенели разбитые стекла, и на улице на миг все осветилось. Я подумал, что перед домом бросили фугасную бомбу. Выбежав в коридор, увидел, как из соседней комнаты, из той, в которой мы спали, шел дым. Оттуда пробежал Орлов, но я его не заметил. За ним выбежал Корнилов, с обгоревшим черным лицом, зажав глаза руками. Затем Шимко, у которого опекло левую сторону лица. Лебедев с зажатыми глазами. У него осколками ранило глаза. Кузнецов тащил политрука роты с обгорелым лицом, и на нем тлела одежда.

В комнате был едкий дым. Горели подушки, матрас, одеяло, ватники. Все тащили ведра с водой. Девочки плакали, потому что пострадавшие были все свои люди. Политрук получил тяжелые ожоги, и его лицо кое-как обмыли в коридоре и разрезали спецодежду, так как она тлела. Пострадавшим оказали помощь. Бергер вызвал скорую помощь. Корнилова, Лебедева, Шимко увели в комнату девочек, а политрука перенесли туда. Орлов, как только выбежал вниз, встретил санитарку-дружинницу, которая его отвела в глазной госпиталь на Моховую. Приехала скорая помощь, и пострадавших, наскоро перевязав, увезли в больницу во Дворец пионеров. Прибежало много милиции, бригадмилов (...) и дело начало разъясняться. Командир роты и Чистов, находившийся в момент взрыва в той же комнате, дали показания в отделении.

Оказалось, что бойцы задумали истопить печку зажигательной бомбой, которую принес командир роты. Политрук принес от него бомбу и передал ребятам. Орлов положил ее в печку и обклат дровами. Политрук сел против дверки. Корнилов тоже был около. Шимко и Лебедев - в стороне. Они шутили, что бомба не взрывается долго. Только Орлов наклонился, чтобы пошевелить, как раздался взрыв и термит

вылетел вместе с бомбой из печки. Печку разворотило. Вероятно, в ней был взрывчатый аммонал. Всех контузило. Политрук поднялся и опять упал. Кузнецов тоже был там, но не пострадал и сразу бросился тушить политрука и его выносить. Теперь Шимко и Лебедев уже здесь, так как легко отделались. Орлов, Корнилов и Трощенко в больнице. У них дело не прекрасно, а очень плохо, особенно с политруком.

Мы перебрались в дежурное помещение и теперь спим и находимся пока здесь.

2 ноября. Вчера получил и сдал карточки. (...) Сначала не хотели дать, но когда немного поругался, карточки выдали. Промтоварных не дали за неимением какой-то справки, которую было негде взять.

Вчера выдали резиновые сапоги 43 номер. Хотя они и большие, но можно побольше навить портянок, и будет тепло. (...)

От нас ушли четыре девочки. Командир их отпустил, так как, по его мнению, они были не нужны. Одна ушла самовольно. Мальчиков он не отпускает, и когда один хотел уйти, то командир накричал, что он посадит в холодную комнату, и не отпустил.

Сегодня получили мы по плитке шоколада весом 100 г, по два пирожных и по 150 гр. конфет. Это полагалось по карточкам на праздник и, конечно, за деньги. Приехал из Колпино папа, и я этому очень обрадовался. От него узнал, что наш дом изрешетило осколками. Около него разорвалось несколько снарядов. Узнал также приятную новость, что мой старый товарищ по школе Кузынов Владимир находится здесь, а не уехал по эвакуации. Думаю его навестить, когда выдастся свободный час.

Впервые на завтрак дали суп. Теперь его будут давать через день. Опять начинаются частые налеты. (...)

4 ноября. 3-го ноября со мной и с еще одним бойцом т. Боруновым произошел нехороший случай. Нам дали шоколад, пирожные и потом вечером конфеты. Во время обеда, когда я получил шоколад, Кузнецов предложил мне продать все в три раза дороже. Я отказался. Тогда он опять стал просить, говоря, что это нужно матери. Я одно пирожное продал, а второе съел сам. Когда уже после, я съел немного шоколада, и у меня осталось полплитки, Кузнецов попросил продать ее за 15 рублей, когда и плитка стоила 5 рублей 2 копейки. Я сначала думал, что он смеется, и не продал, но потом все-таки согласился продать, руководствуясь той целью, что мне нужны были деньги.

Когда я выкупал шоколад, то этого у меня и в уме не было, чтобы перепродавать. Не то чтобы я соблазнился деньгами, а я просто ни о чем не думал и не понимал, что совершаю нехороший поступок по отношению к товарищу, с которым жил вместе уже почти два месяца и спал на соседней койке. Когда я уже перепродал, то пошел в 22-ю комнату играть в бильярд и там сообщил о сделке. Ребята стали смеяться, что они один другому тоже продадут, и, в конечном счете, получился аналогичный случай, Борунов продал Ерофееву полплитки или меньше за такую же цену.

Вечером под руководством Шимко мне ребята стали объяснять, что я совершил и к чему это влечет. Что, может, завтра я продам ватник, пойду продавать хлеб и т. д. Что это мародерство, спекуляция. И если дать огласку и передать в ревтрибунал, можно получить 8 лет. Решили по предложению Айзиковича и Шимко устроить товарищеский суд, не вынося это из стен взвода. Позвали политрука.

Суд под председательством Айзиковича, так как он учился в Юридической школе и кое-что понимает, и при посредстве секретаря т. Преде вынес общественное порицание перед строем. Пошло дальше, так как, по словам Шимко и политрука и Преде, комсомол этого оставить не может. Собрали тотчас же комсогруппы и вынесли мне строгий выговор с предупреждением и с занесением в личное дело. Некоторые говорили, что это слишком, но тут опять же Шимко и Айзикович подняли шум, развели такую философию, что припомнили были и небылицы и еще кое-что приплели. В общем, из мухи сделали слона. Решили, что если это повторится, то дело пойдет дальше.

Этот случай, конечно, я запомню надолго и думаю, что больше не повторится. На ошибках мы учимся. Потом это дело разбирали на бюро в присутствии командира роты, политрука взвода, политрука 3-го взвода, комсorghов 1-го и 2-го взводов и старшины роты. Оставили также и передадут в райком.

Встретил в магазине Д. Решетникову, учившуюся вместе со мной, и узнал, что Владимир Орлов погиб от руки фашистского снайпера. Возвратившись из разведки, он понес обед красноармейцу, и в это время его настигла разрывная пуля, убившая на месте. Он умер 22-го октября. Погиб также Ю. Никитин. Оба были хорошими товарищами, прекрасными комсorghами. (...)

6 ноября. Вчера многим бойцам, родившимся в 1923 году, пришли

повестки в армию. Я тоже очень хочу пойти в армию добровольцем. Попытаюсь второй раз. Хотя здесь одевают и хорошо кормят, но какая-то сила зовет меня на фронт. Переговорю с Коененом, и если он согласится, то вместе будет веселей. Здесь невыносимая скука. Немцы бросали листовки со словами: «6-го - доедайте соевые бобы, а 7-го приготовляйте гробы». Какая-нибудь шальная бомба залетит, и умрешь, не принеся пользы, а на фронте мог бы принести какую-нибудь пользу. Хочу отомстить за товарищей, за Родину. (...)

17 ноября. Наконец-то свершилось то, что я давно желал. Сегодня я зачислен студентом 1 курса морского военно-политического училища. 21-го к 12 часам прийти на Мойку 59 комната 8, имея при себе зубной порошок и щетку, но я не возьму порошка, так как его у меня нет. Надо открепиться в райкоме и справиться все свои личные дела. (...)

19 ноября. Сегодня на завтрак дали 20 гр. паюсной икры, 100 гр. хлеба и чай. Суп не стали есть, так как нельзя было в рот взять. На обед дали 100 гр. хлеба, суп из макарон, макароны с сарделькой, конфету и чай. На ужин щи из капусты, 100 гр. хлеба, конфету и чай. Теперь я уже не пожарник.

20 ноября. ДОМА. Сегодня я совсем покончил с работой в комсомольском полку противопожарной обороны г. Ленинграда. Вчера вечером сдал форму, а сегодня получил карточку. Сегодня уже там не питался. Утром мама купила щи и смешала их с гречневой кашей, и получившимся, так сказать, супом позавтракали. Потом чай пили. Часов около 12 сварили и поели супу из рисовой каши и тем же поужинаем. Хлеба ели грамм по 70. Чтобы получить карточки, пришлось много побегать. (...) Но, в конце концов, я их получил, и теперь с взводом покончено. Сейчас ходил в райком сниматься с учета. Отдал прикрепительный талон и получил справку, что снят с учета. Сейчас нужно приготовить кой-какие вещи, которые будут нужны в училище. У меня есть маленький чемоданчик, и в него, думаю, все сложу. Так как вещей буду брать немного. В баню ходил. Сначала с Валея пошли на улицу Чайковского, так как он говорил, что там баня лучше. Но из-за недостатка воды баня была закрыта, и мы пошли на улицу Некрасова, где и помылись. Теперь надо наголо остричься. Сейчас я ехал в трамвае и слышал слова военного: «Смотрю я на мальчишек лет 15 - молчат или жалуются, а в 18 году ведь только по 100 гр. одного хлеба было». В 18-ом было плохо, но и теперь не хорошо. Голодно, холодно и бомбят. Чем ты был, Ленинград?

На улицах веселье и радость. Мало кто шел с печальным лицом. Все что хочешь можно было достать. Вывески «горячие котлеты», «пирожки, квас, фрукты», «кондитерские изделия» - заходи и бери, только и дело было в деньгах. Прямо не улица, а малина. И чем ты стал, Ленинград? По улицам ходят люди печальные, раздраженные. Едва волочат ноги. Худые. Посмотришь на разрушенные дома, на выбитые стекла и сердце разрывается. Прочитаешь вывеску и думаешь: «Это было, а увидим ли опять такую жизнь?» Ленинград был городом веселья и радости, а стал городом печали и горя. Раньше каждый хотел в Ленинград - не прописывали. Теперь каждый хочет из Ленинграда - не пускают. Разве будет хорошо, когда иждивенец получает только 125 гр. хлеба и каждый день ждет уменьшения нормы. К этому еще прибавь ночные бомбежки и артиллерийский обстрел. Но моральное состояние имеет большое значение, а оно подавленное. Дети часто мрут. Таковы факты. А факт вещь упрямая. (...)

24 ноября. ВМПУ. Подъем! Кричит дневальный - подъем! Раздается скрип кроватей, и из-под одеял по всей комнате, как грибы, вырастают стриженные головы. Ребята нехотя вылезают из темноты, убирают койки, идут мыться. Я уже не спал часа 2. Лежал и думал о разном. О своем прошедшем, когда учился в школе. Как мы были радостны и беспечны. Ни о чем не думали. Как началась война, и я был в группе самозащиты. Потом приехал в Ленинград. Все это мельком. Подумал о настоящем, и сердце заныло. Как-то там дома. Мама, братья сидят на 125 гр. хлеба, в столовой берут плохие щи из капусты раз или два в день, но вырезают 25 гр. крупы. Им хватит ненадолго крупяных талонов. Я-то здесь обеспечен, но как они? Подумал о будущем. Может, буду политруком во флоте. Это уже профессия на всю жизнь. Работать будет трудно. Учиться тоже трудно. Но надо преодолеть все трудности. (...)

Я молод, и почти все старше меня. Не лучше ли уйти. Я ведь еще мало видел жизни, и все трудности меня пугают. Допустим, что я стану политруком. Мне будет 17 или 18 лет. Как я буду работать с краснофлотцами. Но зато материально я буду обеспечен. Я мало еще пожил. Мне хочется сейчас пойти отсюда домой и кончить среднюю школу, а уже потом поступать в училище. Но то еще меня пугает, что придется жить впроголодь на 125 гр. хлеба, денег не будет. Теперь хоть я избавил семью от лишних хлопот. Но потом ко мне приходят мысли новые и тех уже вытесняют и перемешивают. Ты комсомолец. Должен перенести все ли-

шения. Преодолеть все трудности. Напрячь все силы, нужные для преодоления трудностей. Потом ты хоть чем-нибудь поможешь родителям. Поможешь выучиться братьям. Ведь им уже трудно троих воспитывать. Тем более, что сейчас отец мобилизован. Работа будет трудная, но надо все силы приложить, чтоб справиться с этими трудностями. (...)

27 ноября. Проснулся рано. Поспал очень хорошо. Вечером накинул на одеяло еще шинель. Закутался с головой. Согрелся и скоро заснул. Все тело охватила приятная истома, и скоро заснул, как граф. Проснулся, выглянул из-под одеяла. Холодно. И быстро опять с головой закрылся. Но подумал, что надо писать дневник, и быстро встал. Вечером писать плохо, потому что полно народу и могут помешать. А сейчас никто не помешает. Все еще спят. В комнате около сотни кроватей. Две печки. Но дверь не закрывается и быстро выхолаживается. Спит здесь 1 рота, 4 класса. Остальных не знаю куда перевели. Еще вчера спали вповалку по двое на койке. Сейчас пишу, но думаю о доме. Как-то живут мои братья, мама, что слышно от папы. Сердце сжимается, как вспомнишь, как им сейчас трудно. Домой, наверно, еще долго не отпустят. Вчера отправил письмо. Скоро ли получу ответ. А может быть, в их дом попала бомба или снаряд. Вот чего я боюсь. А будущее тоже меня пугает. Я слишком молод. Не лучше ли уйти. Но нет. Этого делать нельзя. Вот если бы не война, тогда все бы было по-другому. Я окончил бы 10-летку и пошел куда-нибудь в военное училище или куда захочу. Может быть, уже сейчас бы работал. Это тоже военное училище. Но условия таковы, что очень трудно учиться. А между прочим, я ведь очень хочу во флот, хочу окончить это училище. Первые шаги сделаны. Раньше я сюда, может быть, бы и не попал, а теперь попал очень просто. Зато уж раньше выпускали хороших политруков. Сейчас программа сжатая, и мы получим меньше знаний, а, значит, и работать будет труднее. Сейчас все спят. Только трое одетые, в том числе и я.

28 ноября. Сегодня отправил второе письмо домой, где написал точный адрес. Еще с самого первого дня лейтенант Пискунов говорил, что мы попали в трудную обстановку. Что холодно и ничего не готово. Придется пройти суровую жизненную школу. Между прочим, это даже полезно, потому что, попадая потом в трудную обстановку будем лучше понимать настроения людей. Но это явление временное, приходится мириться.

Также полковой комиссар говорил, что у нас создались трудные об-

стоятельства. Что многие разочаровались. Думали, что придут на все готовое, в тепло и т. д. Но это временно, не намеренно. И это потому, что училище переводится из Кронштадта и ничего не готово. Придется все делать самим. Оборудовать классы, натаскать и расставить койки, заклеить окна, и с питанием стало хуже. Пришлось снизить паек, так как Ленинград в кольце блокады и подвоза продуктов нет. Со всеми трудностями мы постараемся справиться. Уже почти оборудовали все. Обмундировались, спим уже на койках и в тепле, классы оборудованы, окна заклеены. Надо еще наладить пароотопление. Но надо готовить и разные кабинеты, пособия.

Но мы очень ощущаем блокаду не только из-за пищи, из-за таких трудностей и еще и по-другому. Вот сегодня, как и часто, когда строились к обеду, началась тревога. Наш дом потряс сильный взрыв. Когда на улице у ворот столовой ждали своей очереди, то над головами рвались зенитные снаряды, вдалеке падали бомбы. Или на информации в 6 часов. Все было тихо, и, вдруг, раздался невдалеке сильный взрыв. Задрожал дом, и потом закачались стены, пол и мы тоже. На потолке лампочку как кто толкнул. Или идем в казарму, и рвутся снаряды. Это немцы обстреливают район. Но это уже превратилось в обыкновенное явление.

Да, мы действительно пройдем суровую жизненную школу, рано созреем. От прошлой беспечности не остается и следа. Я чувствую, как у меня меняются взгляды и настроения. Я уже с другой точки зрения смотрю на вещи. (...) Я часто скучаю по дому и семье. У меня сжимается сердце, как вспомню, в какой обстановке находятся братья, мама. Им очень плохо, но чем я могу помочь? Папа сейчас на фронте в г. Колпино в команде МПВО. Хоть и не воюет, но находится рядом с фронтом. Под Колпином идут ожесточенные бои. Я хоть немного утешаюсь тем, что не состою на иждивении родителей и хоть этим немного помогаю. А то папа не работает, мама тоже, а деньги нужны. Хоть папе и выплачивают средний заработок, но его недостаточно. Я выбрал койку, которая мне пришлось по нутру. (...)

1 декабря. Внутри у меня какой-то сумбур. Я задумал уйти отсюда, так как мне здесь все опротивело. Я больше не могу так жить. Эти бесконечные перемены, построения, строгие требования меня так изводят, что, кажется, у меня разорвется сердце. Так я никогда еще не переживал. Заявил о своем желании, об уходе старшине роты и жду, пока он доложит начальнику курса. Скоро ли я вырвусь отсюда?

В самые суровые дни блокады - зимой 1941-1942 гг. - в городе работали 39 школ, потом их количество увеличилось до 80. С детьми занимались в разрушенных школах - как на этом фото, в бомбоубежищах. Были открыты ясли, детские сады, открывались детдома - там жили маленькие ленинградцы, у которых умерли от голода все близкие.
 Фотохроника ТАСС.

Тема «Смерть детоубийцам!» была очень популярной у художников, рисовавших плакаты во время войны. Сюжеты были разные, но смысл один - за каждую отнятую фашистами детскую жизнь их ждала месть. Этот плакат висел на углу Лиговского проспекта в Ленинграде.
 Фотохроника ТАСС.

2 декабря. Я все остаюсь при старом желании, уйти отсюда, и с минутой на минуту жду вызова от лейтенанта Пискунова, чтоб отпроситься совсем отсюда. Вчера вечером меня подозвал старшина класса и спросил, действительно ли я хочу уйти из училища, так как до него дошли такие слухи. Я ответил утвердительно. Почему? Потому что мне слишком мало лет, и я не хочу всю свою жизнь посвятить службе в В. М. Ф., - ответил я. Он что-то записал против моей фамилии и сказал, что доложит старшине роты. А еще до этого в обед я сам уже докладывал старшине роты, который сам хотел доложить начальнику курса. Потом после обеда целый день надоедал командиру своего отделения, могут ли отослать в армию, если я с 1925 г., и вообще отпустят ли меня? Так что он уже устал отвечать мне. Наутро мне не терпелось узнать о результатах, и в обед я спросил у старшины роты. Тот отвечал, что доложил и меня вызовут. Я едва мог терпеть неизвестность и сам отыскал лейтенанта и обо все доложил ему. Он записал и сказал, что вызовет. Теперь буду писать ему заявление и если долго не получу ответа, то подам заявление.

6 декабря. НА ЭВАКОПУНКТЕ. Дольше я не мог терпеть и решил действовать решительнее. После завтрака я потихоньку ушел в здание училища, а ребята пошли на занятия. Здесь бродил по коридору, потом заходил в комнаты начальников, больше всех к начальнику курса, но они были пусты. Стал бродить по всему зданию и нашел на окне тетради, из которых несколько забрал себе. Наконец дождался: увидел, что начальник политотдела пришел. Я к нему. Открыл дверь, постучавшись. Там он сидел за столом, возле него сидел полковой комиссар, напротив что-то докладывал сотрудник и рядом на диване сидел политрук.

Я подождал несколько минут, пока он освободится, и обратился к нему: «Товарищ батальонный комиссар, разрешите обратиться?» Он удивленно посмотрел и недовольно: «Кто такой?» «Курсант Капранов!» «Как?» - не понял он. «Курсант Капранов». «Ну что?» Приготовился он слушать, полуобернувшись ко мне. «Вот я хочу уйти из училища и обратился к вам!» Он сразу переменялся: «Почему, какая причина?» Те тоже смотрели на меня. «Не могу я учиться. Мне шестнадцать лет и как я буду политруком?» Он сразу переменялся и стал ссере с лица: «Так вот товарищ Капранов. Капранов. Идите и учитесь. И больше ко мне с такими вопросами не обращайтесь». «Есть» и, повернувшись, вразвалку вышел.

Я нарочно держал себя так, чтобы он подумал о мне с худшей стороны. Но немного пройдя по коридору, я остановился. Какой-то комок

подступил к сердцу. Что я наделал? Зачем ушел, не доведя до конца дела. Начал дело и уж не сдавайся, а ты и растерялся. Такие сомнения и мысли налетели вихрем на меня. Я вернулся, постучался, вошел. «Я опять к вам, товарищ батальонный комиссар». Он и все были удивлены. «Не хочу я учиться в училище!» «Я вам уже сказал, и вы исполняйте приказание» - ответил он сердито. «Не могу учиться, отчислите лучше меня!» Начал я ему говорить и опять повторил, правда, сбивчиво, но все причины и кое-что приврал. «Вы человек военный, зачислены курсантом в приказе и только приказом вас можно отчислить. Я уже вам сказал, что идите и учитесь. Ждите. А таких, как вы, нам и самим не нужно». «Не хочу, не буду я учиться!» - почти крикнул я. Он тоже рассердился: «Я вам приказываю, и вы исполняйте, а то за невыполнение приказа отдам на ревтрибунал, вы ведь курсант?» - «Нет еще, кандидат», - ответил я, хотя приказом я был курсантом. «Нет, вы зачислены курсантом и только приказом по училищу можно вас отчислить. Идите». «Не буду я учиться. Не хочу совсем. Я лучше на фронт пойду!» «Куда???» «В партизанский отряд разведчиком или еще кем». «Куда вы нужны, вам 16 лет. Вы трус. Испугались трудностей. Что вы будете делать на фронте. Вот спишут, и пойдете домой». «А когда выйдет приказ?» «Когда выйдет, тогда и пойдете. Может сегодня, может завтра!» Я еще хотел поспорить, но сидящий политрук сказал: «Что ты хочешь? Раз тебе сказали, то надо ждать». И я понял, что он был прав. Повернулся и ушел. (...)

Училище переезжало на Охту, и часть ребят ушли еще вечером. Утром, часов около 9 получили справку, что в училище не приняли, и, наконец, пошли домой. Наконец, к великому своему удовольствию, я опять стал гражданским. Я вздохнул полной грудью.

13 декабря. Проснулся в 6-м часу и больше уже не мог заснуть. Почти все не спали. Начали рассказывать свои сны. И, оказалось, что все были схожие, так как все видели во сне хлеб или другую пищу. Вале приснилось, что будто бы 19-го числа ему поставили на пропуске, что завтра эвакуируемся. Так в разговорах долежали до 7 часов, но свету не было, и вставать холодно. И мы, ворочаясь с боку на бок, лежали, хотя лежать было трудно из-за того, что мы почти круглые сутки лежали и отлежали все бока. У меня еще болит нога, и переворачиваться такое мучение. (...)

Теперь мы едва переставляем ноги. Поднимаясь на второй этаж, я чувствую, что уже устал. Все мы ходим, как привидения. Будет ли, не

будет прибавки хлеба, и при первой возможности постараемся покинуть Ленинград.

15 декабря. Вот уже 5 дней второй декады, а в магазине ничего нет. Даже того скудного пайка, полагавшегося по карточкам, нельзя выкупить. Мама выкупила 250 гр. кофе вместо конфет, и теперь пьем его. Супу в столовой часто совсем нет, и кофе заменяет суп. Живем почти на воде. Теперь нет ни масла, ни жира. Вот варили капустные щи дней 8, из капусты, привезенной папой, и тем поддерживались, но капусты осталось на один раз. Все ждали прибавки хлеба, но ее нет. Если еще так затянется, то долго не выдержу. От меня остались одни кости.

Много умирает. Здесь, в доме уже померло несколько человек, а покойницкие все забиты умершими от истощения и они долго лежали в комнатах. На кладбище навалены горы трупов и гробов не хватает. Один раз, придя на работу, мужчина и девушка сели отдохнуть. От утомления они заснули, так и померли, потому что организм совсем ослабел от голода. Другой случай произошел в магазине. Молодая девушка пришла в магазин и, схватив кусок хлеба, стала в угол и жадно поела. Продавщица ее стала ругать, бить. Но она только и отвечала: «Я голодна, хочу есть».

Было много случаев, когда ловили кошек и собак, дома варили и ели. О голоде еще говорит тот факт, что за килограмм хлеба рады дать 200 рублей. Люди пухнут и умирают. Но голодают не все. У продавщиц хлеба всегда остается килограмма 2-3 в день, и они здорово наживаются. Накупили всего и денег накопили тысячи. Обьедаются и военные чины, милиция, работники военкоматов и другие, которые могут взять в специальных магазинах все, что надо. И едят они, так как мы ели до войны. Хорошо живут повара, зав. столовыми, официанты. Все мало-мальски занимающие важный пост. Достают и едят досыта. (...)

Итак, факты доказывают, что половина в Ленинграде голодует, а половина объедается. В закрытых магазинах много, а в наших пусто. На совещании, где должны решать вопросы о прибавке нормы и об улучшении, присутствуют не голодные, а все сытые и потому нет улучшений. Где же та свобода и то равноправие, о котором говорится в конституции. У нас все попугаи. Неужели это в советской стране. Я просто с ума схожу, как подумаю обо всем. Сегодня утром попил кофе без хлеба. В 11 часов после капустных щей. Туда примешал немного дуранды. Но все равно одна вода. В капусте и дуранде нет пита-

тельности. Щи разделили и на ужин. Ни масла, ни жиров нет. Я едва переставляю ноги. Голова кружится. Долго ли еще так будет? Но если долго, мы не переживем.

20 декабря. В комнате объемом 30 кв. м живем 5 семей, всего 16 человек. У каждой семьи по 2 топчана, и по маленькому столику. Очень тесно. (...)

24 декабря. Проснулся в 6 ч. 15 мин. Кто-то вошел в дверь и у него стали спрашивать время. Я не знаю, ответил тот. Но Сквородка, спавший на соседнем топчане и имевший часы, чиркнул спичкой и сказал - 15 мин. седьмого! У, пора вставать! - и Шихова поднимается, засвечивает остаток свечки, и начинает возиться с печкой. У нас печка-буржуйка, и на нее всегда наставят чайников. Мама же часто кипятил воду в горшочке прямо в печи. Так быстрее. В комнате уже все зашевелились, наша семья тоже не спит, но вставать незачем, и мы рассказываем сны. Я начинаю рассказывать свой сон: «Я сегодня во сне ел белую булку и половину оставил. Видел реку, видел, что поймал белого зайчонка, как вратарь. Он выскочил из норы, и я прыгнул и поймал, и посадил в корзину. Потом собирал красные грибы, много грибов. К чему это?» Зайчонок и булка к хорошему! - отвечает мамаша, и тоже рассказывает свой сон. В комнате почти все видят во сне хлеб, так как думают все об одном, ибо все голодны. В разговоре уже участвует вся комната. (...) Печка растепляется, теплый воздух доходит и до меня. «Я скидываю с головы одеяло. Знаешь, Борис, я вчера читала в газетах, что нужны кадры трактористов. Может быть, будут набирать на курсы, вот бы тебе поступить», - говорит мама, тоже вылезая из-под одеяла. - «А хорошо трактористом?» - «Хорошо, он и зарабатывает хорошо, и всегда сыт, приезжает если куда, то в первую очередь в колхозе его накормят». Я раздумываюсь и решаю, что трактористом быть неплохо. Хорошо, я поступлю, если будет набор, - отвечаю я. Мама встала и пошла за кипятком, но вернулась с пустыми руками, супу сегодня тоже не было. (...)

25 декабря. Как обыкновенно, встали. Мама ушла за хлебом. Папа, Ленья и Валя лежат на постели. Я сижу за столом и пишу дневник. Внезапно раскрылась дверь с треском. В комнату вбегает тетя Надя и радостным, необыкновенным голосом кричит: «Слава тебе господи, хлеба прибавили!» (...) Сразу все выныривают из-под одеял: «Сколько, сколько?» «Рабочим 350, иждивенцам 200 грамм», - говорит тетя Надя. «У нас уже выкуплено все назавтра, у нас тоже и у нас тоже», - со всех

сторон говорят. Я тоже говорю: «У нас тоже!» Но уже настроение другое, более веселое, и разговор живее. Мама принесла хлеб. Мы сразу же съели по 40-50 гр. с чаем. Я накрошил его в чай и съел несколько тарелок, постепенно добавляя чай. (...) Папа ходил за папиросами, но не достал. Не знаю, как мы будем отдавать взятые в долг пачки, ведь папирос нигде нет, а если и бывают, то надо отстоять громадные очереди. (...) В связи с прибавлением хлеба настроение у всех приподнятое. С 1-го хотели еще прибавить, так как теперь больше дать нельзя, не то получится много смертей. Ведь люди были голодные и сразу если прибавить до 400 гр., то уже этого для голодного желудка много и врачи не разрешают. (...) Недавно на улице одна гражданка шла и упала, потом померла в страшных мучениях. Также на улице упал и умер гражданин от истощения. Помирают каждый день тысячи. В одном нашем доме за последнее время померло от голода около 10 человек, и много молодых среди умерших. Кладбища завалены, гробов нет, и около кладбищ большие очереди с покойниками, завернутыми в материю. Помирает очень много, а живые едва ходят. Теперь и мы будем жить, а то еще несколько дней и я бы не выдержал. Теперь только будем ждать, только ждать эвакуации. В комнате уже поют.

1942

1/1-42 г. Сегодня наступил новый год. Что он нам несет - тайна покрытая мраком. Впервые мы так встречали новый год - даже не было крошки черного хлеба и вместо того чтобы веселиться вокруг елки - мы спали, так как нечего было есть. Когда вчера вечером я сказал, что уходит старый год, то мне ответили: «К черту с этим годом, провалиться бы ему сквозь землю!» И действительно, я того же мнения, и 41 год никогда не забуду. А новый год принес еще меньше радости. Хлеба не добавили, продуктов в магазинах нет, сахару, конфет и жиров еще за третью декаду не давали. Опять я едва таскаю ноги, дыхание спирает и жизнь уже не мила. Не видать бы мне тебя Ленинград никогда. На улице все так же падают люди от голода. У нас в доме померло несколько человек, и сегодня из нашей комнаты просили мужчин помочь вынести покойника. В столовой ничего, кроме жидкого плохого супа из дуранды, нет. А этот суп хуже воды, но голод не тетка, и мы тратим талоны на такую бурду. В комнате только и слышно, что об еде. Люди все жалуются и плачут. Что-то с нами будет? Выживу ли я в этом аду?